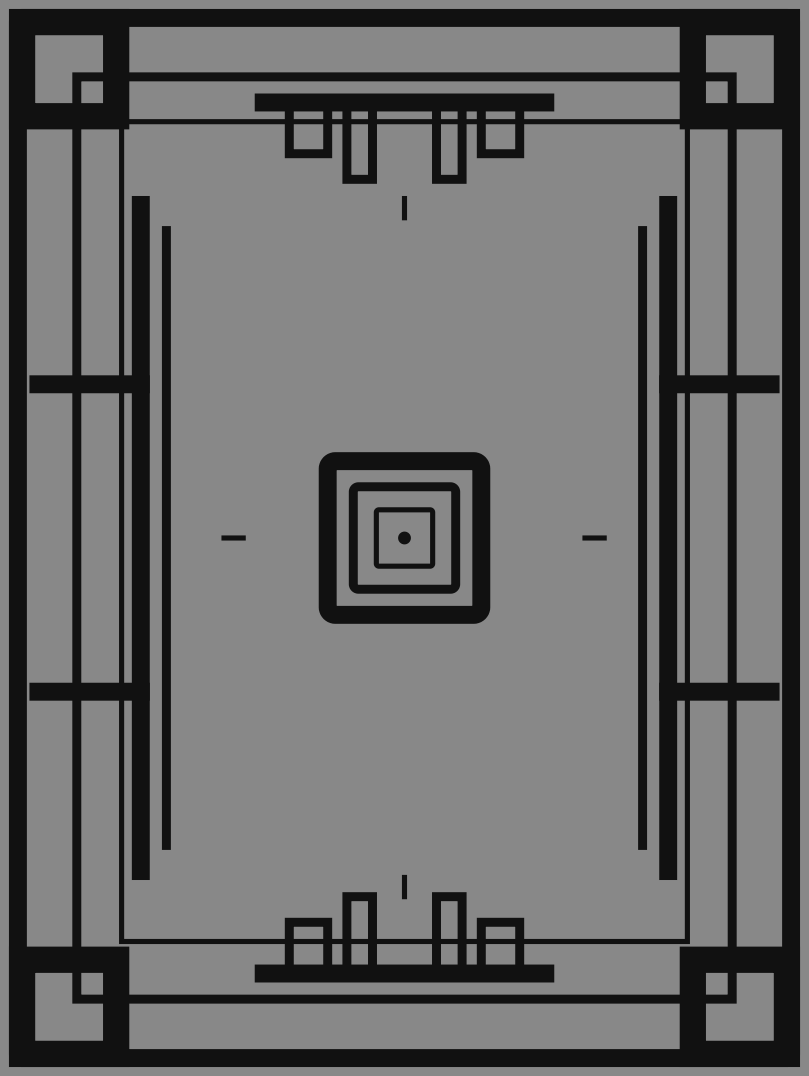

Военнопленные

Михаил Александрович Шолохов

Аннотация
Михаил Шолохов. Военнопленные

Аннотация

Очерк. — «Правда», 1941, 2 ноября, № 304, сборник «Великая Отечественная война», т. I, М. 1942, стр. 495–503.

Михаил Шолохов
Военнопленные

Их батальон посадили в вагоны в Париже и отправили на восток. Они везли с собой награбленные во Франции вещи, французское вино и французские автомашины.

От Минска к линии фронта они шли походным порядком, так как автомашины были оставлены в Минске из-за отсутствия бензина. Опьяненные победами германского оружия и французским вином, они двигались по пыльным дорогам Белоруссии, закатав рукава мундиров, расстегнув воротники. Каски их были привешены к поясам, открытые потные головы сушило ласковым солнцем и теплым ветерком чужой России. Во флягах пока еще плескалось вино, и солдаты бодро шли по улицам выжженных советских деревень и громко пели похабную ротную песенку о том, что красивая француженка Жанна впервые увидела настоящих солдат и впервые вдоволь познала настоящих мужчин только тогда, когда немцы вступили в Париж.

Потом, днем и ночью, на марше и на отдыхе,

их стали тревожить партизаны. За шесть дней батальон в перестрелках потерял около сорока человек убитыми и ранеными. Исчез посланный в штаб мотоциклист. Исчезли шесть солдат и один обер-ефрейтор. Они отправились в ближнюю деревню добыть для роты что-либо съестное и не вернулись. В батальоне все реже пели о красивой и оставшейся довольной немцами Жанне. Здесь немцами были недовольны. Жители при вступлении батальона в разрушенные деревни убегали, прятались в лесах, а те, кого заставали в жилищах, были нахмурены и смотрели в землю, чтобы скрыть от солдат ненависть к ним, светившуюся в глазах. Ненависти в случайно пойманных взглядах мужчин и женщин было больше, чем страха. Нет, это была не Франция.

* * *

Он — ефрейтор Фриц Беркманн, — если верить его словам, не принимал участия в расправах над мирным населением. Он считает себя культурным, порядочным человеком и, разумеется, решительным противником ненужной жестокости. И когда однажды подвыпившие солдаты его роты со смехом и шутками потащили в сарай молодую женщину-колхозницу, он, чтобы не слы-

шать ее криков, ушел со двора. Женщина была молодая и сильная. Она здорово сопротивлялась, в результате чего один солдат лишился глаза. Остальные все же справились с ней. Но после того, как ее изнасиловали, окривевший солдат убил ее. Ефрейтор Беркманн, узнав об этом, был ужасно возмущен. Сам он ни за что не смог бы совершить подобной гнусности. У него в Нюрнберге остались жена и двое детей, и он не хотел бы, чтобы с его женой когда-либо поступили подобным образом. Однако не может же он отвечать за действия скотов, имеющихся, к сожалению, в немецкой армии. Когда он сообщил о происшедшем своему лейтенанту, тот пожал плечами — война есть война — и, приказал Беркманну не лезть к нему с пустяками.

Прямо с марша батальон бросили в бой. Двадцать шесть суток солдаты не вылезали из окопов. В роте Беркманна от ста семидесяти человек осталось тридцать восемь. Солдаты были удручены огромными потерями. Нет, не о такой войне с русскими думали они, когда ехали из Франции, горланя песни. Офицеры говорили им, что Россию они пройдут так же легко, как нож проходит сквозь масло. Все это оказалось хвастливой болтовней, и многие из офицеров,

говоривших подобные слова, теперь уже ничего не скажут: пули русских стрелков и осколки русских снарядов прошли сквозь их тела воистину с той самой легкостью, с какой проходит сквозь масло нож.

* * *

Беркманн взят в плен сегодня утром во время нашей атаки. Перед тем как вести его в нашу землянку, красноармейцы плотно завязали ему глаза бинтом.

— Вы меня хотите расстрелять? — дрогнувшим голосом спросил Беркманн.

Но красноармейцы, не зная немецкого языка, ничего не ответили на вопрос.

На подгибающихся от страха ногах Беркманн вошел в землянку. С глаз его сняли повязку, и он, увидев мирно сидевших за столом людей, вздохнул хрипло, всей грудью и с таким облегчением, что мне стало как-то не по себе.

— Я думал, что меня ведут на расстрел, — объясняя свой невольный вздох, пролепетал пленный и тотчас стал навытяжку.

Его пригласили сесть. Он опустился на стул, положив руки на колени.

Вот он сидит перед нами, этот ландскнехт на-

цистской Германии, и подробно отвечает на все вопросы.

Он все еще никак не может успокоиться после пережитого волнения. Щеку его подергивает нервный тик, руки, лежащие на коленях, дрожат. Он всеми силами старается подавить свое волнение и скрыть дрожь, но это ему плохо удается. Только после того, как он с жадностью выкуривает предложенную ему папироску, к нему приходит уравновешенность.

У него светлые курчавые волосы, широко поставленные голубые неумные глаза. Он — безусловный ариец, изрядно потрепанный войной и очень голодный. В день им выдавали по три папиросы, немного хлеба и полкотелка горячей пищи. Горячую пищу не всегда можно было подвезти, и они отчаянно голодали.

Что он думает об исходе войны с Советской Россией? Он считает это предприятие безнадежным. Фюрер совершил ошибку, напав на Россию. Это — очень большой кусок, которым бедная Германия может подавиться. Здесь он, ефрейтор Беркманн, имеет возможность свободно высказать свое мнение, чего никак не мог сделать в своей части, так как члены нацистской партии засекречены и шпионят за солдатами. Всякое неосторожно

высказанное слово приведет под дуло винтовки. Лично он думает, что надо было окончательно побить Англию, отобрать у нее колонии и на этом поставить точку.

Впечатления его о занятой советской территории сводятся к одному: маловато продуктов. Все, что было у населения, съели передовые немецкие части. Найти курицу счастье. Почти с ненавистью говорит он о своих танкистах и подвижных частях: «Эти скоты очищают все, после них идешь, словно в пустыне».

Тяжело говорить с ефрейтором Беркманном. От циничных слов этого грабителя в солдатском мундире, истерически болтливого и тупого, в землянке становится еще душнее, тянет выйти на воздух. Мы прекращаем разговор.

В заключение он, поднявшись и стоя навытяжку, говорит о том, что два часа назад на допросе он честно рассказал советскому командиру о расположении и численности своего батальона, штаба и о складе боеприпасов. Он сказал все, что знал, так как является убежденным противником войны с Россией. Сообщенные им сведения при проверке безусловно подтвердятся, а потому он просит дать ему возможность уведомить жену, что он находится в плену, и, если это возможно,

покормить его еще, так как последний раз ему давали пищу семь часов назад.

* * *

Двадцатилетний, безусый юноша. Гладко прилизанные волосы, синие прыщи на лице и юркие, воровато бегающие глаза. Член германской национал-социалистской партии. Танкист. Был во Франции, в Югославии, в Греции. Танк его вчера в бою подорвал красноармеец связкой ручных гранат. Выскочив из машины, отстреливался. Ранен четырьмя пулями. Раны легкие. Изредка морщится от боли, но держит себя с нахальным, напускным мужеством. Отвечая на вопросы, не поднимает глаз. На некоторые вопросы категорически отказывается отвечать, но зато обстоятельно, заученными фразами говорит о превосходстве германской нации, о неполноценности французов, англичан, славянских народов. Нет, это не человек, а плохой пирог с дурно пахнущей начинкой. Ни одной своей мысли, никаких духовных интересов. Спрашиваем, знает ли он Пушкина, Шекспира. Он морщит лоб, думает, потом задает вопрос:

— Кто это такие? — И, получив ответ, кривит тонкие губы презрительной усмешкой, говорит:

— Не знаю и знать не хочу. Не испытываю в этом надобности.

Он уверен в победе Германии. С тупым, идиотичным упрямством он твердит:

— К зиме наша армия разделается с вами и тогда со всей силой обрушится на Англию. Англия должна погибнуть.

— А если Россия и Англия разделаются с Германией?

— Этого не может быть. Фюрер сказал, что мы победим, — глядя себе под ноги, отвечает пленный. Он отвечает, как неумный ученик, твердо заучивший урок и не утруждающий себя излишними размышлениями.

Что-то фальшивое, неправдоподобно-уродливое есть в облике этого юноши, и только одна фраза звучит у него по-настоящему искренне:

— Жаль, что моя военная карьера прервана…

Безнадежно развращенный гитлеровской пропагандой, молодой мерзавец не устал убивать. Он только что вошел во вкус убийства, он еще не нанюхался вволю чужой крови, а тут — плен. И вот теперь он сидит перед нами, навсегда обезвреженный, смотрит глазами затравленного кровожадного хорька, и слепая ненависть к нам раздувает его ноздри.

* * *

Шесть военнопленных немецких солдат под охраной красноармейца вышли из палатки, присели на покрытую хвоей землю. Их только что привели сюда, забрав в плен. Мундиры их залатаны и грязны, у одного подошва сапог прихвачена проволокой. Они не умывались шесть дней. Этой возможности лишила их наша артиллерия. Лица их мрачны и покрыты коркой засохшей грязи. Они обовшивели, сидя в окопах, и теперь, не стесняясь, почесываются, скребут головы черными пальцами. Лишь один из них, черноволосый красивый парень, довольно улыбается и, обращаясь ко мне, говорит:

— Для меня война кончилась. Я счастлив оттого, что так удачно попал в плен.

Им приносят в котелках горячий борщ.

Как звери, набрасываются они на пищу и, обжигаясь, чавкая, почти не прожевывая, глотают торопливо, жадно. Двоим из них не принесли ложек. Не дожидаясь, когда принесут ложки, они запускают в котелки грязные ладони, пальцами вылавливают гущу и отправляют ее в рот, запрокидывая головы и блаженно щурясь.

Насытившись, они встают, отяжелевшие и

сонные. Коренастый обер-ефрейтор, подавляя отрыжку, говорит:

— Спасибо. Большое спасибо. Не помним, когда в последний раз мы так плотно наедались.

Переводчик говорит, что седьмой по счету пленный отказался от пищи и сейчас сидит в палатке. Проходим в палатку. Пожилой немецкий солдат, давно не бритый и очень худой, встает при нашем появлении, опускает большие мозолистые руки по швам. Спрашиваем, почему он отказывается от обеда.

Дрожащим от волнения голосом солдат говорит:

— Я — крестьянин. Мобилизован в июле. За два месяца войны я вдоволь насмотрелся на произведенные нашей армией разрушения, на брошенные поля, на все, что сделали мы, идя на восток… Я лишился сна, и кусок не идет мне в горло. Знаю, что так же разорили почти всю Европу и что за все это Германии придется нести страшную расплату. Не только этой собаке — Гитлеру, но всему германскому народу придется расплачиваться. Вы понимаете меня?

Он отворачивается и долго молчит. Что ж, это хорошее раздумье. И чем скорее сознание тягчайшей ответственности и неизбежной расплаты

придет к немецким солдатам, тем ближе будет победа демократии над взбесившимся нацизмом.

1941